

Dohnal, Josef

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765)

In: Dohnal, Josef. *Русская литература XVIII века. Избранные тексты I, Хрестоматия*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2013, pp. 165-239

ISBN 978-80-210-6495-9; ISBN 978-80-210-6498-0 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/128729>

Access Date: 22. 03. 2025

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Михаил Васильевич Ломоносов

(1711–1765)

Трудно найти в истории русской литературы другую подобную личность – М. В. Ломоносов был не только писатель, литературовед, переводчик, философ, историк, но и ученый, занимающийся химией, физикой, математикой.

В его творчестве отражаются поиски новой поэтики, новой динамики стиха – его же оды послужили примером для многих последователей. Ода на взятие Хотина стала одним из первых выдающихся патриотических произведений русской литературы XVIII века. Уважение к Петру I Великому Ломоносов высказал в поэме, содержание которой свидетельствует и об интересе Ломоносова к истории России.

Интересны его преложения псалмов, которые также, как и философские оды («размышления») свидетельствуют о том, какими были взгляды писателя на мир в эпоху, когда начинали чувствовать, что трудно будет примирить всё более точные знания естественных наук и церковные догмы.

«Письмо о пользе стекла» представляет собой одно из наиболее интересных произведений М. В. Ломоносова. Прочитав его, определите характер аргументации писателя и свяжите его с положением науки в обществе того времени.

Ломоносова вместе с Тредиаковским можно считать теми теоретиками, которые обосновали переход русской поэзии к силлабо-тонической системе. Вы можете указать основные характеристики, свойственные именно этой системе по сравнению с силлабической?

Существенное влияние на русскую литературу оказала и ломоносовская теория трех «штилей», подытоживающая занятия Ломоносова древнерусскими литературными памятниками, риторикой и теорией литературы эпохи классицизма с целью определить выражения, подходящие для разных литературных жанров. Интерес к русскому языку отражается и в других теоретических работах, отрывки из которых вы найдете ниже. Попытайтесь связать высказанные в них мысли Ломоносова с теоретическими постулатами классицизма.

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ

Анакреон

Ода I

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Анакреон

Ода XXIII

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,
То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,
Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала;
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог;
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать.

Ломоносов

Ответ

Анакреон, ты верно
Великой философ,
Ты делом равномерно
Своих держался слов.
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал;
Хоть в вечность ты глубоку
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить;
Возьмите прочь Сенеку,
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

Анакреон

Ода XI

Мне девушки сказали:
„Ты дожил старых лет“,
И зеркало мне дали:
„Смотри, ты лыс и сед“.
Я не тужу ни мало,
Еще ль мой волос цел.
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел;
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Ломоносов

Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись, Катон:
„Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря кинжалом свобожусь“.
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввесть в республику порядок;
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград,
Ножом он сам, себе был смертный супостат;
Беззлобно роскошь в том была тебе причина,
Упряма славная была ему судьбина;
Несходства чудны вдруг и сходства понял я,
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живописстве первой,
 Первой в Родской стороне,
 Мастер, научен Минервой,
 Напиши любезну мне.
 Напиши ей кудри черны,
 Без искусных рук уборны,
 С благовонием духов,
 Буде способ есть таков.
 Дай из роз в лице ей крови
 И как снег представь белу,
 Проведи дугами брови
 По высокому челу,
 Не сведи одну с другою.
 Не расставь их меж собою,
 Сделай хитростью своей,
 Как у девушки моей;
 Цвет в очах ея небесной,
 Как Минервин, покажи
 И Венерин взор прелестной
 С тихим пламенем вложи,
 Чтоб уста без слов вещали
 И приятством привлекали
 И чтоб их безгласна речь
 Показалась медом течь;
 Всех приятностей затеи
 В подбородок умести
 И кругом прекрасной шеи
 Дай лилеям расцвести,
 В коих нежности дышают,
 В коих прелести играют
 И по множеству отрад
 Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно.
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты счастлив сею красотой
И мастером, Анакреон,
Но счастливей ты собою
Чрез приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю.
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить,
Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в середине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;

Возвысь сосцы, млеко обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали

И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;
О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0010.shtml

Оды духовные

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 1

1

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным вслед ступить
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать,

2

Но волю токмо подвергает
Закону Божию во всем
И сердцем оный наблюдает
Во всем течении своем.

3

Как древо, он распространится,
Что близ текущих вод растет,
Плодом своим обогатится,
И лист его не отпадет.

4

Он узрит следствия поспешны
В незлобивых своих делах;
Но пагубой смятутся грешны,
Как вихрем восхищенный прах.

5

И так злодеи не восстанут
Пред вышнего Творца на суд,
И праведны не вспомнят
В своем соборе их отнюд.

6

Господь на праведных взирает
И их в пути своем хранит;
От грешных взор свой отвращает
И злобный путь их погубит.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 14

1

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с тобою населяет
Верх священный горних мест?

2

Тот, кто ходит непорочно,
Правду всегда хранит
и нелестным сердцем точно,
Как устами, говорит;

3

Кто языком льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед;

4

Презирает всех лукавых,
Хвалит вышнего рабов
и пред ним душою правых
Держится присяжных слов;

5

В лихву дать серебро стыдится,
Мзды с невинных не берет.
Кто так жить на свете тщится,
Тот вовеки не падет.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 26

1

Господь — Спаситель мне и свет:
Кого я убоюсь?
Господь сам жизнь мою блюдет:
Кого я утрашуся?

2

Во злобе плоть мою пожрать
Противны устремились;
Но, злой совет хотя начать,
Упадши сокрушились.

3

Хоть полк против меня восстань,
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань,
На Бога полагаюсь.

4

Я только от Творца прошу,
Чтоб в храм его вселиться,
И больше в свете не ищу,
Как в оном веселиться.

5

В селении своем покрыл
Меня он в день печали
И неподвижно укрепил,
Как злые окружали.

6

Возвысил он мою главу
Над всех врагов ужасных.
Я, жертву принося, зову
Ему в псалмах согласных.

7

Услыши, Господи, мой глас,
Когда к тебе взываю,
И сохрани на всякий час:
К тебе я прибегаю.

8

Ко свету Твоего лица
Вперяю взор душевный
И от всещедрого Творца
Приемлю луч вседневный.

9

От грешного меня раба,
Творец, не отвратися;
Да взыдет пред тебя мольба,
И в гневе укротися.

10

Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве,
Но восприял меня Творец
И дал жить в благоденстве.

11

Настави, Господи, на путь
Святым твоим законом,
Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящегося в оном.

12

Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницею покрывай
От клеветаний ложных.

13

Я чаю видеть на земли
Всевышнего щедроты
И не лишиться николи
Владычния доброты.

14

Ты, сердце, духом укрепись,
О Господе мужайся
И бедствием не колеблись;
На Бога полагайся.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 34

1

Суди обидящих, Зиждитель,
И от борющихся со мной
Всегдашний буди Покровитель,
Заступник и Спаситель мой.

2

На глас мой ныне преклонися,
Прими оружие и щит
И мне на помощь ополчися,
Когда противник мне грозит.

3

Сдержи стремление гонящих,
Ударив пламенным мечем.
Уверь в напастях обстоящих,
Что я в покрытии твоём.

4

Гонители да постыдятся,
Что ищут зла души моей,
И с срамом вспять да возвратятся,
Смутившись в памяти своей.

5

Да сильный гнев твой злых восхитит,
Как бурным вихрем легкий прах.
И Ангел твой да не защитит
Бегущих, умножая страх.

6

Да помрачится путь их мглою,
Да будет ползок и разрыт,
И Ангел мстящею рукою
Их, вслед гоня, да устрашит.

7

Сие гонение ужасно
Да оскорбит за злобу их,
Что, зляся на меня напрасно,
Скрывали мрежу злоб своих.

8

Глубокий, мрачный ров злодею
В пути да будет сокровен;
Да будет сетию своею,
Что мне поставил, уловлен.

9

Душа моя возвеселится
О покровителе своем
И радостью ободрится
О заступлении твоём.

10

С тобою кто себя сравниет?
Все кости, Боже мой, гласят:
Твоя власть сильных сокрушает,
Что бедных растерзать хотят.

11

Уже свидетели восстали
Неправедные на меня
И, стыд оставив, вопрошали
О том, чего не знаю я.

12

Наносят мне вражду и злобу,
Чтоб тем мне за добро воздать,
И бедный дух мой и утробу
Досадой и тоской терзать.

13

Но как они ослабевали,
Тогда постом я и мольбой
Смирял себя, дабы восстали
Противники мои в покой.

14

Как брату своему, я тщился,
Как ближним, так им угождать
И, сетуя об них, крушился,
И слез своих не мог держать.

15

Они, однако, веселятся,
Как видят близ мою напасть,
И на меня согласно злятся,
Готовя ров, где мне упасть.

16

Смятенный дух во мне терзают,
Моим паденьем лстя себя;
Смеются, нагло укоряют,
Зобами на меня скрыпя.

17

Доколе, Господи, без гневу
На злость их будешь ты взирать?
Не дай, не дай ты Львову чреву
Живот мой до конца пожрать!

18

Во храме возведу великом
Преславную хвалу твою,
Веселым гласом и языком
При тьмах народа воспую.

19

Не дай врагам возвеселиться
Неправедной враждой своей,
Не дай ирезорством возгордиться
И помизанием очей.

20

Хоть мирные слова вещали
И ласков вид казали вне,
Но в сердце злобу умышляли
И сети соплетали мне.

21

Мне пагубы, конечно, чая,
Все купно стали восклицать,
Смеяться, челюсть расширяя:
„Нам радостно на то взирать!“

22

Ты видел, Господи, их мерзость:
Отмсти и злобным не стерпи,
Отмсти бессовестную дерзость
И от меня не отступи.

23

Восстани, Господи Зиждитель,
Взойди на твой святой престол
И буди нашей при решитель,
Спаси от нестерпимых зол.

24

Подвигнись правдою святою,
Суди нас, Господи, суди,
Не дай им поругаться мною,
Суди и мне не снисходи.

25

Не дай им в злобе похвалиться
И мне в ругательство сказать:
„О как в нас сердце веселится,
Что мы могли его пожрать“.

26

Посрамлены да возмятутся,
Что ради злым моим бедам;
И сверхъ главы да облекутся
Мои противны в студ и в срам.

27

Но тем дай вечную награду,
Что оправдать меня хотят,
Взирая на мою отраду,
„Велик Господь наш“, — говорят.

28

Язык мой правде поучится
И истине святой твоей.
Тобой мой дух возвеселится
Чрез всё число мне данных дней.
http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0080.shtml

ОДА

**блаженные памяти
государыне императрице Анне Иоанновне
на победу над турками и татарами
и на взятие Хотина 1739 года**

1

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Который завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

2

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр Музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор прости
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

3

Корабль как ярых волн среди,
 Которые хотят покрыти,
 Бежит, срывая с них верьхи,
 Претит с пути себя склонити;
 Седая пена вкруг шумит,
 В пучине след его горит, —
 К Российской силе так стремятся,
 Кругом объехав, тьмы Татар;
 Скрывает небо конский пар!
 Что ж в том? стремглав без душ валятся.

4

Крепит отечества любовь
 Сынов Российских дух и руку;
 Желает всяк пролить всю кровь,
 От грозного бодрится звуку.
 Как сильный лев стада волков,
 Что кажут острых яд зубов,
 Очей горящих гонит страхом?
 От реву лес и берег дрожит,
 И хвост песок и пыль мутит,
 Разит извившись сильным махом.

5

Не медь ли в чреве Етны ржет
 И, с серою кипя, клокочет?
 Не ад ли тяжки узы рвет
 И челюсти разинуть хочет?
 То род отверженной рабы,
 В горах огнем наполнив рвы,
 Металл и пламень в дол бросает,
 Где в труд избранный наш народ
 Среди врагов, среди болот
 Через быстрый ток на огонь дерзает.

6

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержатъ полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

7

Пускай земля, как Понт, трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О Россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны.
Уже ваш к Ней усердный жар
Быстро проходит сквозь Татар,
И путь отворен вам пространный.

8

Скрывает луч свой в волны день,
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух Татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в Турецкий полк.
Иной, в последни видя зорю:
„Закрой, — кричит, — багряный вид
И купно с ним Магметов стыд,
Спустись поспешно с солнцем к морю“.

9

Что так теснит боязнь мой дух?
 Хладнеют жилы, сердце ноет!
 Что бьет за странный шум в мой слух?
 Пустыня, лес и воздух воет!
 В пещеру скрыл свирепство зверь;
 Небесная отверзлась дверь;
 Над войском облак вдруг развился;
 Блеснул горящим вдруг лицом,
 Умытым кровию мечем
 Гоня врагов, Герой открылся.

10

Не сей ли при Донских струях
 Рассыпал вредны Россам стены?
 И Персы в жаждущих степях
 Не сим ли пали пораженны?
 Он так к своим взирал врагам,
 Как к Готским приплывал брегам,
 Так сильну возносил десницу;
 Так быстрый конь Его скакал,
 Когда Он те поля топтал,
 Где зрим всходящу к нам денницу.

11

Кругом Его из облаков
 Гремящие перуны блещут,
 И, чувствуя приход Петров,
 Дубравы и поля трепещут.
 Кто с ним толь грозно зрит на юг,
 Одеян страшным громом вкруг?
 Никак, Смиритель стран Казанских?
 Каспийски воды, Сей при вас
 Селима гордого потряс,
 Наполнил степь голов поганских.

12

Герою молвил тут Герой:
„Не тщетно я с тобой трудился,
Не тщетен подвиг мой и твой,
Чтоб Россов целый свет страшился.
Через нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей“.
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их око, слух не чует.

13

Крутит река Татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови другое своих лежащих.
Уже, трягнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.

14

Шумит с ручьями бор и дол:
„Победа, Росская победа!“
Но враг, что от меча ушел,
Бойтся собственного следа.
Тогда увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице зардевшись скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль Росская ужасна сила.

15

Вливаясь в Понт, Дунай ревет
 И Россов плеску отвечает;
 Ярясь волнами Турка льет,
 Что стыд свой за него скрывает.
 Он рыщет, как пронзенный зверь,
 И чаёт, что уже теперь
 В последний раз заносит ногу.
 И что земля его носить
 Не хочет, что не мог покрыть.
 Смущает мрак и страх дорогу.

16

Где ныне похвальба твоя?
 Где дерзость? где в бою упорство?
 Где злость на северны края?
 Стамбул, где наших войск презорство?
 Ты, лишь своим велел ступить,
 Нас тотчас чаял победить;
 Янычар твой свирепо злился,
 Как Тигр на Росский полк скакал.
 Но что? Внезапно мертв упал,
 В крови своей пронзен залился.

17

Целуйте ногу ту в слезах,
 Что вас, Агаряне, попрала,
 Целуйте руку, что вам страх
 Мечем кровавым показала.
 Великой. Анны грозный взор
 Отраду дать просящим скор;
 По страшной туче воссияет,
 К себе повинность вашу зря,
 К своим любовию горя,
 Вам казнь и милость обещает.

18

Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом,
Преславно дело зря, дивится:
„Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится“.

19

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветер не воет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадов;
Пред Росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей?

20

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивый Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ее взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.

21

О как красуются места,
 Что иго лютое сбросили
 И что на Турках тягота,
 Которую от них носили;
 И варварские руки те,
 Что их держали в тесноте,
 В полон уже несут оковы;
 Что ноги узами звучат,
 Которы для отгнанья стад
 Чужи поля топтать готовы.

22

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
 Не так тебя смирать достойно,
 Но большу нанести боязнь,
 Что жить нам не дала покойно.
 Еще высоких мыслей страсть
 Претит тебе пред Анной пасть?
 Где можешь ты от ней укрыться?
 Дамаск, Каир, Алепп сгорит,
 Обставят Росским флотом Крит;
 Евфрат в твоей крови смутится.

23

Чинит премену что во всем?
 Что очи блеском пронизает?
 Чистейшим с неба что лучем
 И дневну ясность превышает?
 Героев слышу весел клик!
 Одеян в славу Аннин лик
 Над звездны вечность взносит круги,
 И правда, взяв перо злато,
 В нетленной книге пишет то,
 Велики коль Ея заслуги.

24

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчае б Фивы обвинили,
Затем что о победах сих
Они б громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин.
Россия как прекрасный крин
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут Ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых Россов славой.

25

Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным Покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит оттуда бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык ярься грызет;
То наша радость презирает.

26

Козацких поль заднестрский тать
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал:
Влекут к тому торжеств изрядства.

27

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит;
И Ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

28

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь берегов
Надежда, радость и Богиня,
Велика Анна, Ты доброт
Сияешь светом и щедрот:
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил Твоих,
Придать дерзнул некрасный стих
В подданства знак Твоей державе.

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0080.shtml

ОДА

**торжественная Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей
Державнейшей великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне,
самодержице всероссийской на преславное Ея восшествие на
Всероссийский Императорский престол июня 28 дня 1762 года.
В изъявление истинной радости и верноподданного усердия искреннего
поздравления приносится от всеподданнейшего раба Михаила
Ломоносова**

Внемлите все пределы света
И ведайте, что может Бог!
Воскресла нам Елисавета:
Ликует церковь и чертог.
Она! или Екатерина!
Она из обоих едина!
Ее и бодрость и восход
Златой наукам век восставит
И от презрения избавит
Возлюбленный Российский род.

Российский род, коль ты ужасен
В полях против своих врагов,
Толь дом твой в недрах безопасен:
Ты вне гроза, ты внутрь покров.
Полки сражая, вне воюешь;
Но внутрь без крови торжествуешь.
Ты буря там, здесь тишина.
Умеренность тебе в кровь бранну,
В главу, победами венчанну,
От трех в сей век Богинь дана.

Петра Великого Супруга,
 Взведенная самим на Трон,
 Краса и честь земного круга
 И слава скиптров и корон,
 Прехраброму сему Герою
 Среди пылающего строю
 Дает спасительный совет,
 Военно сердце умягчает;
 И, мир прияв, облобызает
 Разжженный яростью Магмет.

Елисавета царством мирным
 Российские смягчит сердца
 И как дыханием зефирным
 Взираньем кроткого лица
 Вливает благосклонность в нравы,
 В войнах не умаляя славы.
 Возложенный себе венец
 Победой, миром украшает,
 Трофеями превозвышает
 Державы своя конец.

В сии прискорбны дни природным
 Российским истинным сынам
 Ослабу духом благородным
 Дает Екатерина нам.
 Мы, кротости Богинь навькнув
 И в счастье, ими данно, вникнув,
 Судьбину тщимся отвратить.
 Уже для обществу покрова
 Согласно всех душа готова
 В Ней Дщерь Петрову возвратить.

Слышал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных? —
О стыд, о странный оборот! —
Чтоб кровью купленны Трофеи
И победителей злодеи
Приобрели в напрасный дар
И данную залогом веру?
В тебе, Россия, нет примеру;
И ныне отвращен удар.

Любовь Твоя к Екатерине,
Екатеринына к Тебе
Победу даровала ныне;
И Небо верной сей Рабе
Без раздробляющего звуку
Крепит благословенну руку
На наших буйных сопостат.
О коль видение прекрасно!
О коль мечтание ужасно!
Что смотрит сей, что слышит град?

Не мрак ли в облаках развился?
Или открылся гроб Петров?
Он взором смутен пробудился
И произносит глас таков:
Я мертв терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну
В супружество Я поручил,
Дабы чрез то Моя Россия
Под игом области чужия
Лишилась власти, славы, сил?

На то ль, чтоб все, труды несчетны
 И приобретенны плоды
 Разрушились и были тщетны
 И новы возросли беды?
 На то ль воздвиг Я град священный,
 Дабы, врагами населенный,
 Россиянам ужасен был
 И вместо радостной столицы
 Тревожил дальние границы,
 Которы Я распространил?

О Тень великая, покойся:
 Мы помним тьмы Твоих заслуг;
 Безмолвна в вечности устройся:
 Твой труд меж нами жив вокруг.
 Не предадим Твоей любви,
 Не пощадим последней крови:
 Спешим Отечество покрыть
 Вослед премудрой Героине,
 Любезной всем Екатерине,
 Любезны Ей и верны быть.

Что чаяли вы, Невски Музы,
 В великий оный громкий час?
 Согласны мыслей всех союзы
 Веселый возвышали глас!
 Как звали ревностну присягу?
 Благословенную отвагу!
 Что зрели, как закрылся день?
 Нам здешние брега и волны
 Величества, приятства полны
 Сквозь тонкую казались тень!

Среди избраннейших Героев
Между блистающим ружьем,
Среди непобедимых строев
Сверкает Красота мечем
И нежность пола уважает,
И тою храбрость украшает,
Обеими сердца влечет.
Всяк видя, следуя за Нею,
Гласит устами и душою:
Так шла на Трон Елисавет!

Гряди, Российская отрада,
Гряди, желание сердец,
И буди от врагов ограда,
Поставь опасностям конец;
И оправдай Елисавету,
Всему доказывая свету,
Что полная Триумфов брань
Постыждена поносным миром,
И сопостат, почтен Кумиром,
От нас приемлет в жертву дань.

Уже нам дневное светило
Свое пресветлое лице
Всерадостным очам явило
Лучей прекрасных во венце.
Туманы, мраки разгоня
И радость нашу предваря,
Поля, леса, брега живит;
В росе, в струях себя являет.
Ему подобный к нам сияет
Избавившей Богини вид.

В удвоенном Петрополь блеске
 Торжественный подъемлет шум,
 При громком восхищаясь плеске
 Отрадой возвышает ум;
 Взирая на свою избаву,
 На мысль приводит прежню славу.
 В церьквах, по стогнам, по домам
 Несчетно множество народу
 Гремящу представляет воду,
 Что глас возносит к небесам.

Теперь злаумышленье в яме,
 За гордость свержено, лежит:
 Екатерина в Божьем храме
 С благоговением стоит,
 Хвалу на Небо воссылает
 И купно сердце всех пылает
 О целости Ея и нас;
 Что Вышний крепкою десницею,
 Богиню нам подав Царицей,
 От гибели невинных спас.

Услышьте, Судии земные
 И все державные главы:
 Законы нарушать святыя
 От буйности блюдитесь вы
 И подданных не презирайте,
 Но их пороки исправляйте
 Ученьем, милостью, трудом.
 Вместите с правдою щедроту,
 Народну наблюдайте льготу,
 То Бог благословит ваш дом.

О коль велико, как прославят
Монарха верные раби!
О коль опасно, как оставят,
От тесноты своей, в скорби!
Внимайте нашему примеру,
Любите их, любите веру:
Она — свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякого щита.

А вы, которым здесь Россия
Дает уже от древних лет
Довольство вольности златыя,
Какой в других державах нет,
Храня к своим соседям дружбу,
Позволила по вере службу
Беспреткновенно приносить;
На то ль склонились к вам Монархи
И согласились Иерархи,
Чтоб древний наш закон вредить,

И вместо, чтоб вам быть меж нами
В пределах должности своей,
Считать нас вашими рабами
В противность истины вещей?
Искусство нынешне доводом,
Что было над Российским родом
Умышлено от ваших глав
К поправнью нашего закона,
Российского к паденью Трона,
К рушению народных прав.

Обширность наших стран измерьте,
 Прочтите книги славных дел
 И чувствам собственным поверьте:
 Не вам подвергнуть наш предел.
 Исчислите тьму сильных боев,
 Исчислите у нас Героев
 От земледельца до Царя
 В суде, в полках, в морях и в селах,
 В своих и на чужих пределах
 И у святого олтаря.

О коль Монарх благополучен,
 Кто знает Россами владеть!
 Он будет в свете славой звучен
 И всех сердца в руке иметь.
 Тебя толь счастливу считаем,
 Богиня, в коей признаваем
 В единой все доброты вдруг:
 Щедроты, веру, справедливость,
 И с постоянством прозорливость,
 И истинный Геройский дух.

Осмнадцать лет Ты украшала
 Благословенный дом Петров,
 Елисавете подражала
 В Монарших высоте даров,
 Освобождая утесненных
 И ободряя оскорбленных,
 Склонила высоту небес
 От злой судьбы Тебя избавить,
 Над нами царствовать поставить
 И отереть нам токи слез.

Науки, ныне торжествуйте:
Взошла Минерва на Престол.
Пермесски воды, ликовствуйте,
Шумя крутитесь в злачный дол.
Вы в реки и в моря спешите
И нашу радость возвестите
Лугам, горам и островам;
Скажите, что для просвешенья
Повсюду утвердит ученья,

Создав прекрасны храмы вам.
А Ты, о Отрасль вождеденна,
Спасенная от сильных рук,
Будь жизнь Твоя благословенна,
Прекрасна посреде наук;
Дражайший Павел наш, мужайся,
В объятях Рождышей утешайся
И бывши скорби забывай.
Она все бури успокоит,
Щедротой, ревностью устроит
Тебе и нам прекрасный рай.

Герои храбры и усерды,
Которым промысл положил
Приять намерения тверды
Противу беззаконных сил
В защиту нашей Героине,
Красуйтесь, веселитесь ныне:
На вас лавровые венцы
В несчетны веки не увянут,
Доколе Россы не престанут
Греть в подсолнечной концы.
1762

ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА

к высокопревосходительному господину генералу-поручику, действительному ее императорского величества камергеру, Московского университета куратору и орденов Белого Орла, Святого Александра и Святыя Анны кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову, писанное 1752 года

...

Взирая в древности народы изумленны,
Что греет, топит, льет и светит огонь возжженный,
Иные божеску ему давали честь;
Иные, знать хотя, кто с неба мог принести,
Представили в своем мечтанье Прометея,
Что, многи на земли художества умея,
Различные казал искусством чудеса:
За то Минервою был взят на небеса;
Похитил с солнца огонь и смертным отдал в руки.
Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг ужасны звуки.
Продерзкого к горе великой приковал
И сильному орлу на растерзанье дал.
Он сердце завсегда коварное терзает,
На коем снова плоть на муку вырастает.
Там слышен страшный стон, там тяжка цепь звучит;
И кровь, чрез камни вниз текущая, шумит,
О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но в просвещенны дни сей вымысл видим ясно.
Пииты украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грехи.
Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем
И Прометея тем безбедно подражаем.
Ругаясь подлости нескладных оных врак,
Небесным без греха огнем курум табак;
И только лишь о том мы думаем, жалея.
Не свергла ль в пагубу наука Прометея?

Не злясь ли на него, невежд свирепых полк
На знатны вымыслы сложил неправой толк?
Не наблюдал ли звезд тогда сквозь Телескопы,
Что ныне воскресил труд счастливой Европы?
Не огонь ли он Стеклом умел сводить с небес
И пагубу себе от варваров нанес.
Что предали на казнь, обнесши чародеем?
Коль много таковых примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
И груба ревность с ней, на правду строя ков,
От самой древности воюют многократно,
Чем много знания погибло невозвратно!
Коль точно знали б мы небесные страны,
Движение планет, течение луны,
Когда бы Аристарх завистливым Клеантом
Не назван был в суде неистовым Гигантом,
Дерзнувшим землю всю от тверди потрясти,
Круг центра своего, круг солнца обнести;
Дерзнувшим научать, что все домашни боги
Терпят великой труд всегдашний дороги;
Вертится вокруг Нептун, Диана и Плутон
И страждут ту же казнь, как дерзкой Иксион;
И неподвижная земли богиня Веста
К упокоению сыскать не может места.
Под видом ложным сих почтения богов
Закрит был звездный мир чрез множество веков.
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой лицемеры,
Дабы она, открыв величество небес
И разность дивную неведомых чудес,
Не показала всем, что непостижна сила
Единого творца весь мир сей сотворила;
Что Марс, Нептун, Зевес, всё сонмище богов
Не стоят тучных жертв, ниже под жертву дров;
Что агньцов и волов жрецы едят напрасно;
Сие одно, сие казалось быть опасно.

Оттоле землю все считали посреде.
 Астроном весь свой век в бесплодном был труде,
 Запутан циклами, пока восстал Коперник,
 Презритель зависти и варварству соперник.
 В середине всех планет он солнце положил,
 Сугубое земли движение открыл.
 Одним круг центра путь вседневный совершает,
 Другим круг солнца год теченьем составляет,
 Он циклы истинной Системой растерзал
 И правду точностью явлений доказал.
 Потом Гугении, Кеплеры и Невтоны,
 Преломленных лучей в Стекле познав законы,
 Разумной подлинно уверили весь свет,
 Коперник что учил, сомнения в том нет.
 Клеантов не боясь, мы пишем все согласно,
 Что истине они противятся напрасно.
 В безмерном углубя пространстве разум свой,
 Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной.
 Везде божественну премудрость почитаем,
 В благоговении весь дух свой погружаем.
 Чудимся быстрине, чудимся тишине,
 Что бог устроил нам в безмерной глубине.
 В ужасной скорости и купно быть в покое,
 Кто чудо сотворит кроме его такое?
 Нас больше таковы идеи веселят,
 Как, божий некогда описывая град,
 Вечерний Августин душою веселился.
 О коль великим он восторгом бы пленился,
 Когда б разумну тварь толь тесно не включал,
 Под нами б жителей как здесь не отрицал,
 Без Математики вселенной бы не мерил!
 Что есть Америка, напрасно он не верил:
 Доказывает то подземной католик,
 Кадя златой его в костелах новых лик.
 Уже Колумбу вслед, уже за Магелланом
 Круг света ходим мы великим Океаном

И видим множество божественных там дел,
Земель и островов, людей, градов и сел,
Незнаемых пред тем и странных нам животных,
Зверей, и птиц, и рыб, плодов и трав несчетных.
Возьмите сей пример, Клеанты, ясно вняв,
Коль много Августин в сем мнении неправ;
Он слово божие употреблял напрасно.
В Системе света вы то ж делаете власно.
Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет.
Круг солнца нашего, среди других планет,
Земля с ходящею круг ней луной течет,
Которую хотя весьма пространну знаем,
Но к свету применив, как точку представляем.
Коль созданных вещей пространно естество!
О коль велико их создавше божество!
О коль велика к нам щедрот его пучина,
Что на землю послал возлюбленного сына!
Не погнушался он на малой шар сойти,
Чтобы погибшего страданием спасти.
Чем меньше мы его щедрот достойны зримся
Тем больше благости и милости чудимся
Стекло приводит нас чрез Оптику к сему
Прогнав глубокую неведения тьму!
Преломленных лучей пределы в нем неложны
Поставлены творцем; другие невозможны.
В благословенной наш и просвещенной век
Чего не мог дойти по оным человек?

...

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0010.shtml

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющиеся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполнении твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проникает.
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Льетса радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И, на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день!
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
00Вам путь известен всех планет, —
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0010.shtml

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Героическая поэма

**Его Высокопревосходительству милостивому государю
Ивану Ивановичу Шувалову, Генералу-Поручику,
Генералу-Адъютанту, действительному Камергеру,
Московского Университета куратору
и орденов Белого Орла, Святого Александра,
Святыя Анны Кавалеру**

Начало моего великого труда
Прими, Предстатель Муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя Российско слово,
и тем стремление к стихам давал мне ново.
Тобою поощрен в сей путь пустился я:
Ты будешь онога споспешник и судья.
и многи и сия дана Тебе доброта,
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит Твой и просвещенный ум,
Где мысли важные и где пустых слов шум.
Мне нужен твоего рассудок тонкий слуха,
Чтоб слабость своего возмог признать я духа.
Когда под бременем поникну утомлен,
Вниманием Твоим восстану ободрен.
Хотя вослед иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.
Не вымышленных петь намерен я Богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.
Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднее, нежели как в десять лет взять Трюю.
О если б было то в возможности моей,
Беглец Виргилиев из отчества Еней
Едва б с Мазепю в стихах моих сравнился,

и басней бы своих Virgiliy устыдился.
Уликсовых Сирен и Ахиллесов гнев
Вовек бы заглушил поправленный ревом Лев.
За кем же я пойду? Вслед подвигам Петровым
и возвышением стихов Геройских новым
Уверю целые вселенный концы,
Что тем я заслужу Парнасские венцы,
Что первый пел дела такого Человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.

...

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

...

Петр Великий, уведав, что шведские корабли идут к городу Архангельскому, дабы там учинить разорение и отвратить Государев поход к Шлиссельбургу, отпустил войско приступать к оному. Сам с гвардиею предпринимлет путь в Север и слухом своего приходу на Двинские устья обращает в бегство флот Шведский. Оттуда простирая поход к осаде помянутой крепости по Белому морю, претерпевает опасную бурю и от ней для отдохновения уклоняется в Унскую губу. Потом, пристав к Соловецкому острову для молитвы, при случае разговора о расколе, сказывает Государь настоятелю тамошня обитатели о стрелецких бунтах, из которых второй был раскольничий.

Пою премудрого Российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну,
Смирил злодеев внутрь и вне поправил противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных,
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.

К тебе я вопию, Премудрость бесконечна:
 Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна
 Петра Великого гласить вселенной в слух
 И показать, как Он превыше человека
 Понес труды для нас, неслыханны от века,
 С каким усердием, Отечество любя,
 Ужасным подвергал опасностям себя,
 Да на Его пример и на дела велики
 Смотря весь смертных род, смотря земны Владыки
 Познают, что Монарх и что отец прямой,
 Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой,
 Дабы Российский род вовеки помнил твердо,
 Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
 Ты мысль мне просвети; делами Петр снабдит,
 Велика Дщерь Его щедротой оживит.

Богиня, коей власть владычеств всех превыше,
 Державство кроткое весны прекрасной тише
 И к подданным любовь всех высший есть закон,
 Ты внемлешь с кротостью мой слабый лирный звон.
 Склони, склони свой слух, когда я пред Тобою
 Дерзаю возгласить военную трубою
 Тебя родившее велико божество!
 О море! О земля! О тварей естество!
 Монархини моей вы нраву подражайте
 И гласу моему со кротостью внимайте.

Уже освобожден от варвар был Азов;
 До Меотиских Дон свободно тек валов,
 Нося ужасный флот в струях к пучине Черной,
 Что создан в скорости Петром невероятной.
 Уже великая покоилась Москва,
 Избыв от лютого злодеев суровства,
 Бунтующих стрельцов достойной после казни

Простерла вне свой меч без внутренней боязни.
 От дерзкой наглости разгневанным Петром
 Воздвигся в западе войны ужасный гром.
 От Нарвской обуяв сомнительной победы,
 Шатались мыслями и войск походом Шведа.
 Монарх наш от Москвы простер свой быстрый ход
 К любезным берегам полночных белых вод,
 Где прежде меж валов душа в нем веселилась
 И больше к плаванию в нем жажда воспалилась.
 О коль ты счастлива, великая Двина,
 Что славным шествием его освящена!
 Ты тем всех выше рек, что устьями своими
 Сливаясь в сонм един со безднами морскими,
 Открыла посреде играющих валов
 Других всех прежде струй пучине зрак Петров.
 О холмы красные и острова зелены,
 Как радовались вы, сим счастьем восхищенны!
 Что поздно я на вас, что поздно я рожден,
 И тем толикого веселия лишен?
 Не зрех, как он сиял Величеством над вами
 И шествовал по вам пред новыми полками,
 Как новы крепости и новы корабли,
 Ужасные врагам в волнах и на земли,
 Смотрел и утверждал противу их набегу,
 Грозящему бедой Архангельскому берегу,
 Дабы Российскую тем силу разделить,
 От Ингерских градов осады отвратить.
 Но вдруг пришествия Петрова в север слухом
 Смутьась, пустились вспять унылы, томны духом.

Уже белея понт перед Петром кипит,
 И влага уступить шумя ему спешит.
 Там вместо чайанных бореи флагов Шведских
 Российские в зыбях взвевали Соловецких.

Закрылись крайние пучиною леса;
 Лишь с морем видны вкруг слиянны небеса.
 Тут ветры сильные, имея флот во власти,
 Со всех сторон сложась к погибельной напасти,
 На Запад и на Юг, на Север и Восток
 Стремятся и вертят мглу, влагу и песок;
 Перуны мрак густой сверкая разделяют,
 И громы с шумом вод свой треск соединяют;
 Меж морем рушился и воздухом предел;
 Дождю навстречу дождь с кипящих волн летел;
 В сердцах великий страх сугубят скрыпом снасти.
 Герой наш посреде великия напасти
 И взором и речью смутившихся крепит,
 Сквозь грозный стон стихий к бледнеющим гласит:
 „Мужайтесь! Промысл нас небесный искушает;
 К трудам и к крепости напредки ободряет
 Всяк делу своему со тщанием внимай:
 Опасности сея Бог скоро пошлет край“.
 От гласа в грудь пловцам кровь теплая влиялась,
 И буря в ярости кротчае показалась.

Я мышлю, что тогда сокрыта в море мочь,
 Желая отвратить набег противных прочь,
 Толь страшну бурю им на пагубу воздвигла,
 Что в плаваньи Петра нечаянно постигла.

О вы, рачители и слушатели слов,
 В которых подвиг вам приятен есть Петров,
 Едина истина возлюбленна и сродна,
 От вымыслов краса Парнасских негодна;
 Позвольте между тем, чтоб слаба мысль моя
 И голос опочил, труды Его поя.
 В Кастальски роци я не с тем себя склоняю,
 Что оным там сыскать красу и силу чаю:

Ключи, источники, долины и цветы
 Не могут дел Его умножить красоты;
 Собою они красны, собою они велики.
 Отважась в долгий путь, где трудности толики,
 Ищу, чтоб иногда иметь себе покой.
 В убежища сии склонитесь вы со мной,
 Дабы яснее зреть с высоких мест и красных
 Петра в волнах, во льдах, в огне, в бедах ужасных
 И славы истинной в блистающих лучах.
 Какое зрение мечтается в очах?
 Я на земли стою, но страхом колебаюсь
 И чаю, что в водах свирепых погружаюсь!
 Мне всякая волна быть кажется гора,
 Что с ревом падает, обрушась на Петра.

Но промысл в глубину десницу простирает;
 Оковы тяжкие вдруг буря ощущает.
 Как в равных разбежась свирепый конь полях,
 Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах,
 Однако доскакав до высоты крутыя,
 Вдохнул, кончает бег, льет токи потовые, —
 Так север, укротясь, в последни восстенал.
 По усталым валам понт пену расстирал;
 Исчезли облака; сквозь воздух в юге чистый,
 Открылись два холма и береги лесисты.
 Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
 Убежище пловцам от беспокойных вод,
 Где, в мокрых берегах крутятся, печальна Уна
 Медлительно течет в объятия Нептуна,
 В числе Российских рек безвестна и мала,
 Но Предков роком злым Петровых прослыла:
 Когда коварного свирепством Годунова
 Кипела пролита невинных кровь багрова,
 Как Праотцев Его он в север заточил,

Во влажном месте сем, о злоба! уморил.
Сошел на берег Петр и ободрил стопами
Места, обмоченны Романовых слезами.
Подвиглись береги, зря в славе оных Род.
Меж тем способный ветер в свой путь сзывает флот?
Он легким к западу дыханьем поспешает
И мелких волн вокруг себя не ощущает.
Тогда плывущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаванье сии слова вещал:
„Какая похвала Российскому народу
Судьбой дана — пройти покрыту льдами воду.
Хотя там кажется поставлен плыть предел,
Но бодрость подают примеры славных дел.
Полденный света край обшел отважный Гама
И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
Герои на морях Колумб и Магеллан
Коль много обрели безвестных прежде стран,
Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
Которой лишены пугливые невежды,
Презрели робость их, роптанье и упор,
Что в них произвели болезни, голод, мор.
Иное небо там и новые светила,
Там полдень в севере, ина в магните сила;
Бездонный Океан травой как луг покрыт;
Погибель в ночь и в день со всех сторон грозит.
Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь свирепых ядов злее.
Лишает долгий зной здоровья и ума,
А стужа в севере ничтожит вред сама.
Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава.

Но ныне настоит в войнах иная слава“.
 Надежды полный взгляд слова его скончал,
 И бодрый дух к трудам на всем лице сиял.

Достигло дневное до полночи светило,
 Но в глубине лица горящего не скрыло;
 Как пламенна гора казалось меж валов
 И простирало блеск багровый из-за льдов.
 Среди пречудныя при ясном солнце ночи
 Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.
 От севера стада морских приходят чуд
 И воду вихрями крутят, и кверху бьют,
 Предшествуя Царю пространныя пучины,
 Что двинулся к Петру, ошибкою повинный,
 Из глубины своей, где царствует на дне.
 В недосыгаемой от смертных стороне,
 Между высокими камнистыми горами,
 Что мы по зрению обвыкли звать мелями,
 Покрытый золотым песком простерся дол.
 На том сего Царя палаты и престол.
 Столпы округ его — огромные кристаллы,
 По коим обвились прекрасные кораллы;
 Главы их сложены из раковин витых,
 Превосходящих цвет дуги меж туч густых,
 Что кажет укротясь нам громовая буря;
 Помост из аспида и чистого лазуря;
 Палаты из одной иссечены горы;
 Верхи под чешуей — великих рыб бугры;
 Уборы внутренни — покров черепокожных
 Бесчисленных зверей, во глубине возможных.
 Там трон — жемчугами усыпанный янтарь;
 На нем сидит волнам седым подобен Царь,
 В заливы, в океан десницу простирает,
 Сафирным скипетром водам повелевает.

Одежда Царская — Порфира и виссон,
 Что сильные моря несут ему пред трон.
 Ни мразы, ни Борей туда не достягают,
 Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникают.
 От хлябей сих и бездн владетель вод возник;
 Воздвигли радостный морские птицы клик.
 Он вслед к плывущему Герою обратился
 И новости судов Петровых удивился:
 „Твои, — сказал, — моря, над ними царствуй век,
 Тебе течение пространных тесно рек:
 Построй великий флот; поставь в пучине стены“.
 Скончали пением сей глас его сирены.
 То было, либо так быть надобно б сему,
 Что должен Океан Монарху своему.

Уже на западе восточными лучами —
 Открылся освещен с высокими верьхами
 Пречудных стен округ из диких камней град,
 Где вольны пленники спасаяся сидят,
 От мира отделясь и морем и святыней
 (Пример отеческих от древних лет пустыней),
 Лишь только лишены приятнейших плодов
 От древ, что подают и пищу и покров:
 Не может произвесть короткое их лето,
 Снегами в протчи дни лице земли одето.
 Сквозь мрак и сквозь туман, сквозь буйных ветров шум
 Восходит к небесам поющих глас и ум.
 К сим строгим берегам великий Петр приходит,
 Внимательный свой взор на здания возводит.
 Из каменных бугров воздвигнута стена,
 Водами ото всех сторон окружена,
 Его и воинов с веселием приемлет;
 Стрельбе и пению пустыня купно внемлет.
 Навстречу с ликом Фирс усердствуя спешит
 И, Гостя осенив, в восторге говорит:

„Благословен Твой путь Всевышнего рукою:
Могущество Его предходит пред Тобою.
Он к сей с высот своих обители смотря,
О имени своем возвеселит Царя.
Живущие Его в сем месте благодати
Причастны новые Твои да будут рати“.
Монарх, от Промысла избранный человек,
Вменил, что перед ним стоит Мельхиседек,
Победы прежние Его благословляет
И к новым торжествам духовно ободряет.

...

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0190.shtml

* * *

Я знак бессмертия себе воздвигнул
 Превыше пирамид и крепче меди,
 Что бурный Аквилон сотреть не может,
 Ни множество веков, ни едка древность.
 Не вовсе я умру; но смерть оставит
 Велику часть мою, как жизнь скончаю.
 Я буду возрастать повсюду славой,
 Пока великий Рим владеет светом.
 Где быстрыми шумит струями Авфид,
 Где Давнус царствовал в простом народе,
 Отечество мое молчать не будет,
 Что мне беззатной род препятством не был,
 Чтоб вносить в Италию стихи эольски
 И первому звенеть Алцейской лирой.
 Взгордися праведной заслугой, муза,
 И увенчай главу дельфийским лавром.

* * *

Лишь только дневной шум замолк,
Надел пастушье платье волк
И взял пастушей посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидев там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду,
Он мог из них любую взять;
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчей вой.
Пастух свой сладкой сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедной волк приметил,
Что чересчур перемудрил,
В полах и в рукавах связался
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ,

**когда я в 1761 году ехал просить
о подписании привилегии для академии,
быв много раз прежде за тем же**

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0160.shtml

ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и Других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския Церкви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводе Ветхого и Нового завета поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При сем, хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравнением российского языка с другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна в католицкую веру, отправляют службу по своему обряду на латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварские по большей части от худых авторов, и потому ни из Греции, ни от Рима не могли снискать подобных преимуществ, каковы в нашем языке от греческого приобретены. Немецкий язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинский. Но как

немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того, в католических областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим.

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю*.

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. и словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого

рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и эллегии сего штиля больше должны держаться. в прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая с средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии служат одним речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки, и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальнейе расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало понимает меклен-бургского или бранденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько изменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно

советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует:

- 1) По важности освященного места Церкви Божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особливое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит.
- 2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога.
- 3) Таким старательными и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве пременам и упадку не подвержен утвердится, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славенском языке украшаться будет.

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением одного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. Где древний, язык испанский, галский, британский и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, которые в прочих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез переселения и войны разрушились. Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления, но все в глубоком неведении погрузились. Гораций говорит:

Герои были до Атрида,
 Но древность скрыла их от нас,
 Что дел их не оставил вида
 Бессмертный стихотворцев глас.

Счастливы греки и римляне перед всеми древними европейскими народами, ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих героев, которых люблением и покровительством ободрены были превозносить их купно с отечеством. Последовавшие поздние потомки, великою древностью и расстоянием мест отдаленные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склоняся духом к Меценату, равно как бы он нынешним наукам был покровитель?

Подобное счастье оказалось нашему отечеству от просвещения Петрова и действительно настало и основалось щедротою его великия дочери. Ею ободренные в России словесные науки не дадут никогда прийти в упадок российскому слову. Станут читать самые отдаленные веки великие дела Петровы и Елисаветина веку и, равно как мы, чувствовать сердечные движения. Как не быть ныне Виргилиям и Горациям? Царствует Августа Елисавета; имеем знатных и Меценату подобных предстателей, чрез которых ходатайство ея отеческий град снабден новыми приращениями наук и художеств. Великая Москва, ободренная пением нового Парнаса, веселится своим сим украшением и показывает оное всем городам российским как вечный залог усердия к отечеству своего основателя, на которого бодрое попечение и усердное предстательство твердую надежду полагают российские музы о высочайшем покровительстве.

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0250.shtml

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К РИТОРИКЕ НА ПОЛЬЗУ ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛАДКОРЕЧИЯ

**Е. и. в. пресветлейшему государю великому князю Петру Феодоровичу,
внуку государя императора Петра Великого и Российския империи
наследнику, милостивейшему государю.**

Пресветлейший великий князь,
милостивейший государь!

В пресветлейшей в. и. в. особе не токмо верные российские подданные твердую надежду будущего своего благополучия благоговейно почитают, но и вся Европа удивляется высоким вашим добродетелям, еще в юности процветающим, как истинной отрасли Петрова священнейшего семени. Взирают на них великим вашим дедом в России основанные науки как на восходящее солнце и от пресветлых его лучей нового щедрот сияния в несомненном уповании ожидают. Благополучны возрастающие в России знания, в которых сам ожидаемый их расширитель, в. и. в., охотно упражняться изволит, равно как великий оных основатель. Благополучны в научении положенные труды сынов российских, которых щедрая вашего высочества рука ободряет к вящему приращению наук в наследной вашей империи. Толь прехвальными и Петрова внука достойными добродетельми ободренный, полагаю к дражайшим стопам в. и. в. сочиненное мною в пользу отечества Краткое руководство к риторике и, припадая подданнейше, прошу на сей низжайший мой труд воззреть милостивейшим оком. Крепкая всевышнего десница да покроет и укрепит неоцененное вашего высочества здравие и к вящей радости и благополучию всего российского народа чрез многие лета да соблюдет невредимо, чего от искреннего усердия подданнейше желаю

в. и. в. подданнейший раб
Михайло Ломоносов.

...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
О ИЗОБРЕТЕНИИ ДОВОДОВ

§ 58

Доводы, равно как и распространения, спряжены бывают и из простых идей и одночленных рассуждений способом винословных союзов и наречий *итак, оттого, потому, затем, следовательно, понеже, того ради* и прочая.

§ 59

Ко изобретению оных служат из риторических мест происходящие следующие правила.

§ 60

Что говорится о всем роде, то можно сказать и о каждом виде, в том же роде включенном, и, напротив того, что говорится о каждом виде, то можно сказать и о всем роде. Пример первому: *кто все добродетели любит, тот любит и воздержание*. Пример второму: *мы видим, что цари, князи, священники, военные, гражданские и сельские люди умирают, и оттуду заключаем, что все люди смертны*.

§ 61

Что сказать можно о всех частях, то и о целом, н. п.: *уже российские грады от Марсова шума не смущаются, села в глубоком мире почивают, пристани и крепости неприятельских набегов не страшатся, и так во всей России мир процветает*.

§ 62

От свойств должны последовать приличные им действия, н. п.: *Тиций Семпрония ненавидит, следовательно, ему добра не желает*.

§ 63

Если какая вещь страждет, т. е. в себе перемену имеет, то должна быть действующая вещь, которая оную перемену производит, н. п.: *море волнуется, следовательно, бурный ветер веет*. А когда две вещи такое состояние между собою имеют, что одна в другой перемену учинить может, то должно действию воспоследовать, н. п.: *сильный ветер по морю веет, следовательно, во оном волны подымает*.

§ 64

От места, времени и обстоятельств нередко следуют их свойства к той вещи, к которой они принадлежат, н. п.: *на высоких горах стоящие здания большее насилие от ветров и бурь претерпевают.*

§ 65

Ежели последующее есть, то должно было и предыдущему быть, н. п.: *плоды на деревьях выросли, следовательно, деревья прежде расцвели.* От предыдущего не всегда можно заключить последующее, н. п. нельзя сказать: *деревья расцветают, следовательно, плоды будут.*

§ 66

Все, что есть или бывает, имеет свою производящую вещь, н. п.: *дождь идет, следовательно, небо облачно.*

§ 67

Где есть признаки, всегда с вещью бывающие, тут есть и сама она вещь, н. п.: *отсюда дым встает, там должно быть огню.*

§ 68

Ежели из двух противных вещей одна есть, то, следовательно, другой нет, н. п.: *кто милостив, тот не жестокосерд; где добродетели господствуют, тут нет места порокам.*

§ 69

Подобные вещи должны иметь подобные действия и страдания, н. п.: *жизнь человеческая подобна непостоянному морю, следовательно, она от нападения противных случаев колеблется, подобно как океан от нападения бурных ветров.*

§ 70

Кто малого не может, тому и большее невозможно. и напротив того, кому великое возможно, тот может и малое. Пример первому: *кто слова утаить не может, тот не удержит великия тайны.* Пример второму: *кто пространного моря не боится, тому малая река не ужасна.*

ГЛАВА ПЯТАЯ
О ИЗОБРЕТЕНИИ ВИТИЕВАТЫХ РЕЧЕЙ ИЛИ ЗАМЫСЛОВ

§ 71

Когда показанным правилам доказательств что-нибудь противное представлено будет, тогда рождаются витиеватые речи. К сему способствует уподобление, уравнение и противоположение идей, что из следующих правил видеть можно.

§ 72

Соединение противных себе видов и разделение подобных производит витиеватые речи, н. п.:

*В златые дни со львом бессильный агнец спал,
И голубь с ястребом безбедно в лес летал*

§ 73

От частей рождаются витиеватые речи:

- 1) Когда в животных вещах к каждой части приложено будет приличное жизненное свойство, н. п.: *лице светлое щедротою, уста сладкие утешением, грудь искренностию отверстая.*
- 2) Когда частям приличные действия присовокупятся, н. п.: *благочестивый монарх единою рукою бога, а другою подданных объемлет*
- 3) Когда частям противные свойства или действия прилагаются, н. п.: *лукавый языком любит, а сердцем убивает.*

§ 74

От свойств замыслы происходят:

- 1) Когда одному свойству даны будут противные действия в разных вещах или персонах, н. п.: *глупость в бедном смешна, а в сильном слез достойна.*
- 2) Когда одно свойство другому как воспящающее представляется, н. п.: *злой и глупый богач о днем путем ходят; оный хотя пользу учинить может, однако не хочет, а сей хотя и хочет, однако не умеет.*

- 3) Когда противным свойствам сходные действия последуют, н. п.: *великодушный человек счастье свое умеренно правит, несчастье терпеливо сносит.*
- 4) Когда одна страсть в другую переменяется, н. п.: *праведный твой гнев есть милосердие,*
- 5) Когда одно свойство другому уподоблено будет, н. п.: *прекрасное твое лице небесному твоему уму подобно.*

§ 75

Знаменование имени подает витиеватые речи, когда оно уподоблено будет делам самой той персоны, которая оным называется, н. п.:

*Цесарь, ты врагов сечеши удобно,
Имя в том делам твоим подобно.*

Сюда ж надлежит, что сказали донские скифы великому Александру, который богом назывался: *ежели ты бог, то должен ты смертных миловать, а не грабить.*

§ 76

От действия и страдания произведены быть могут замыслы:

- 1) Когда вещи вымышленное действие или страдание приложено будет, н. п.: *он жалостным своим стенаньем древа, валы и горы движет.*
- 2) Когда от вещи противное действие производится, н. п.:

*Чем ты дале прочь отходишь,
Грудь мою жжет больший зной.
Тем прохладу мне наводишь,
Если ближе пламень твой.*

- 3) Чрез переменение действия на страдание, а страдания на действие, н. п.: *не Аякс сего ружья, но само ружье Аякса требует.*

- 4) Когда действие вещи другим полезно, а самой вредно быть представляется. Так, говорит греческий король Улике у Овидия: *вас прошу, о греки, чтобы мой разум мне не был вреден, который вам столько раз был полезен*
- 5) Чрез предложение невозможных действий, н. п.: *прежде агнцы волков ловить, а зайцы львов терзать станут, нежели твое желание сбудется.*
- 6) Когда препятствия бессильными к воспящению действия представляются, н. п.: *жадным победительским рукам не мог возбранить пламень, чтобы горящей Трои не расхищали.*
- 7) Когда действие на самую действующую вещь обращается, н. п.: *Гомер, когда стихами своими других избавлял от забвения, тогда себя вечной памяти предал.*
- 8) Когда действие тщетным представляется, н. п.: *он пращи и стрелы за, гнилое дерево почитает.*

§ 77

От места витиеватые речи привести можно:

- 1) Чрез пренесение вещей на неприличное место, н. п.: *прежде рыбы в лесах, а овцы на дне морском пастись будут, нежели я твое благодеяние забуду.*
- 2) Когда к одному месту два разные свойства приписаны будут. Так, у Сенеки говорит Андромаха, сокрываячи сына своего от греков во гробе отца его, Гектора: *ежели судьбина бедным помогает, то вот тебе здесь защита, а если судьбина жить запрещает, то вот тебе и гроб.*
- 3) Когда на разных местах разные свойства одной вещи придаются, н. п.: он *в доме отец, в полках Гектор, на море Тифис.*
- 4) Когда место представляется как препятствие сильное или недействительное, н. п.: *хоть ныне я в волнах плову, но волны не гасят любви.*

§ 78

Время подает витиеватые речи:

- 1) Когда оно на другое, себе противное, переменено будет, н. п.: *твое к нам пришествие среди зимы весну приводит.*
- 2) Когда вещь из одного времени в другое перенесется, н. п., Андромаха говорит женщинам троянским: *ваша Троя ныне, а моя уже тогда упала, когда бесчеловечный Ахиллес терзал мои члены (то есть Гектора)?*
- 3) Когда время против[ные] себе свойств[а] имеет, н. п.: *о весна, юность лета, прекрасная мати цветов, хотя ты возвращаешься, но кроме тоски ничего с собою не приводишь.*

§ 79

От причины рождаются замыслы:

- 1) Когда вместо прямой посторонняя и неприличная причина действию приложится, н. п., Александр говорит к своим солдатам: *мы погрешили, мои солдаты, ежели мы только для того Дария победили, чтобы рабу его отдать государство?*
- 2) Когда причина действия будет вымышлена, н. п.:

*Вливаясь в Понт, Дунай ревет,
Отзывкой плеску шум прибавил,
Сердит волнами турка льет,
Что смелость, кровь, шатры оставил.*

§ 80

От предыдущего и последующего производятся замысловатые речи:

- 1) Когда начало концу подобно представится, н. п.: *Медея с Язоном незаконно совокупилась, незаконно разлучилась, при браке брата, а при разлучении детей своих убила.*

2) Когда предыдущее время с последующим соединяется, н. п.:

*Мне полдень с утром вдруг вступает,
Весна цветы и плод являет
В дражайшей всех душе твоей.*

3) Когда из двух последующих последнее прежде первого предлагается, н. п.:
*в моем нечаянно оскорбленном сердце после теплой весны лютая зима
настает.*

§ 81

Обстоятельства рождают замыслы:

- 1) Когда оне за признаки какого-нибудь действия или вещи почтутся, н. п.:
*сгоревший храм Дианы Ефесския предвозвестил имущий возгоретися в Азии
военный пламень от великого Александра, которого в ту ночь Олимпиада
родила*
- 2) Когда обстоятельство самой вещи сравнено или уподоблено будет, н. п.,
о скупом:

*Ты тверже, нежели тот металл,
Который в стену ты заклал.*

...

http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0260.shtml

